

На правах рукописи

Бухтояров Сергей Иванович

**Семиолингвистические аспекты переводов
пьес Шекспира на русский и немецкий языки**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и
сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тюмень – 2004

Работа выполнена на кафедре английского языка факультета романо-германской филологии Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Тюменский государственный университет».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Белозерова Наталья Николаевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Галеева Наталья Леонидовна

кандидат филологических наук, профессор
Марова Нина Дмитриевна

Ведущая организация: Удмуртский государственный университет

Защита состоится «21» декабря 2004 года в 15 часов на заседании диссертационного совета К 212.274.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук при Тюменском государственном университете по адресу: 625000, г. Тюмень, ул. Семакова, 10, корпус 1.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки Тюменского государственного университета по адресу: 625000, г. Тюмень, ул. Семакова, 10, корпус 1.

Автореферат разослан « » ноября 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

Т.В. Сотникова

Общая характеристика работы

Реферируемая диссертация посвящена сопоставительному исследованию семиолингвистических аспектов переводов пьес Шекспира на русский и немецкий языки.

Начиная с 60-х годов двадцатого века, семиотика прочно заняла место эффективного и удобного инструмента анализа в различных сферах интересов культурной деятельности человека, как то: литература, театр, кино, музыка, ритуалы и обряды, карточные игры и гадания. К настоящему времени сложились объективные предпосылки для активного внедрения методов и принципов лингвистической семиотики в сравнительном переводоведении и компаративистике в целом.

Актуальность выполненной работы продиктована следующими моментами:

1. Лингвистическая семиотика является одним из наиболее активно развивающихся направлений современной научной мысли. Вместе с тем ее применение в такой области, как теория перевода, относится к числу наиболее спорных вопросов этой области языкознания. Понятийный аппарат разработан не полностью, отсутствует единая и общепризнанная семиотическая теория перевода.
2. Работ по сравнительно-сопоставительному анализу оригиналов пьес Шекспира и их переводов существует крайне мало, а ведь именно сопоставление переводов являет собой основу для исследований в области компаративистики, к тому же авторы не выходят за рамки литературной критики. Без внимания остается такой аспект научного исследования, как зависимость перевода от особенностей структуры переводящего языка.
3. Довольно слабо изучены трудности перевода, возникающие по причине различий в национально-специфичных стереотипах различных этносов и различий языковой и концептуальной картин мира.

Объектом исследования настоящей работы являются варианты перевода различных единиц исходного текста, несущих важную семиологическую нагрузку, при сопоставлении некоторых пьес У. Шекспира с их переводами на русский и немецкий языки.

Предмет исследования – прагматическая эквивалентность информации, заложенной в исходном тексте, и информации, переданной в тексте перевода.

Материалом исследования послужили четыре пьесы Уильяма Шекспира: "Сон в летнюю ночь", "Тит Андроник", "Король Ричард III" и «Юлий Цезарь» и

девятнадцать переводов данных пьес на русский и немецкий языки. Общий объем анализируемых текстов составил более 2000 страниц.

Целью нашего исследования является изучение формальных и смысловых расхождений между оригинальным текстом и текстом перевода, вызванных как культурными различиями, так и особенностями структуры исходного и переводящего языков.

Реализация поставленной цели достигается путем решения следующих **задач**:

- сопоставить оригинальные произведения и их переводы на русский и немецкий языки;
- выявить и проанализировать текстовые несоответствия, вызванные особенностями структуры исходного и переводящего языков;
- выявить и проанализировать текстовые несоответствия, вызванные различиями в национально-специфичной языковой картине мира.

Поставленные задачи предопределили использование следующих **методов исследования**: метод структурного, функционального и сопоставительного анализа, метод контекстуального анализа, метод трансформационного анализа, культурно-исторический метод, метод оппозиций.

Методология проведенного исследования базируется, в основном, на трудах выдающихся представителей тартусско-московской и французской школ семиотики (Ю.М. Лотман, П. Тороп, Б.Ф. Егоров, В.В. Иванов, М.Л. Гаспаров, Ю.А. Левин, Деррида Ж., Барт Р., Леви-Строс К., Греймас А.Ж.), пражского лингвистического кружка (Трубецкой Н., Мукаржовский Я., Якобсон Р.), ведущих теоретиков отечественной школы переводоведения (Бархударов Л.С., Виноградов В.С., Комиссаров В.Н., Рецкер Я.И., Миньяр-Белоручев Р.К., Федоров А.В., Швейцер А.Д.) и др.

Теоретическая значимость диссертации заключается в последовательном установлении связи переводоведения и семиотики, в выявлении способов дешифровки исходной информации с целью адекватной трансляции такой информации в текст перевода. Материалы диссертации могут быть использованы в теоретических исследованиях по проблемам общей теории перевода, а также в исследованиях, посвященных творчеству Уильяма Шекспира.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые выдвигается тезис о метафорической природе перевода; описывается механизм функционирования особого знака – риторической конструкции “метафора+метонимия”; определяется приоритетность перевода аномалий, несущих семиологическую нагрузку; рассматриваются разноуровневые аномалии в произведениях Шекспира и их перевод на русский и немецкий

языки; производится сопоставление английской языковой картины мира 16-17 веков с немецкой и русской.

Практическая значимость исследования связана с возможностями использования ее материалов в практике преподавания английского и немецкого языка как иностранного, в курсах по сравнительно-сопоставительному языкознанию, семиотике и культурологии. Кроме того, результаты работы могут быть использованы для сопоставления языков и культур других народов.

Апробация материалов исследования. Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры английского языка факультета романо-германской филологии Тюменского государственного университета. Основные теоретические и практические результаты излагались автором на шести региональных, общероссийских и международных конференциях в Санкт-Петербурге (2000, 2001), Москве (2002), Екатеринбурге (2001, 2002) и Сургуте (2004).

По теме диссертации автором подготовлено десять публикаций.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Перевод в основе своей имеет метафорическую природу и являет собой иконический знак.
2. Знаки существуют не только в чистом виде. Встречаются и такие сложные комбинации, как, риторическая конструкция “метафора+метонимия”, несущая в себе огромный манипулятивный потенциал и заслуживающая адекватного перевода.
3. В смысловой канве текста особую роль играют аномалии (или отклонения от существующих норм), и информация, заложенная в них, должна быть адекватно передана при переводе.
4. Несмотря на генетическое родство русского, английского и немецкого языков и на близость данных трех европейских культур, языковая картина мира и национально-специфичные стереотипы трех этносов имеют определенные различия. При этом дословный перевод знаков, содержащих в себе лингвокультурные национально-специфичные ассоциативные компоненты, не может считаться адекватным.

Структура и основное содержание диссертации

Композиция диссертации определяется ее задачами и отражает основные этапы и логику развития исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического раздела, содержащего сто пятьдесят два теоретических источника на русском и других языках, тринадцать

справочных источников и девятнадцать источников сопоставляемых художественных произведений. Общий объем диссертации – 185 страниц машинописного текста.

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, ограничивается объект, предмет, методы исследования, формулируется научная новизна, теоретическая и практическая значимость результатов работы, определяются основные задачи и выносимые на защиту положения.

Глава I. Семиотика как инструмент переводоведения и компаративистики

В данной главе диссертации мы связали воедино интересы компаративистики, переводоведения и семиотики.

Основным, центральным понятием семиотики является понятие знака. Следуя теории значимого отсутствия М. Хайдеггера и Ж. Дерриды, мы определяем знак, как чувственно воспринимаемый объект (ЛИБО ЕГО ОТСУТСТВИЕ В ОЖИДАЕМОЙ ПОЗИЦИИ), осуществляющий денотацию некоторого факта, объекта или отношения в целях передачи некоторой информации.

Для того чтобы коммуникативный акт передачи такого рода информации прошел успешно, необходимо наличие у отправителя и получателя одного и того же кода. Код определяется нами как система определенных правил, являющихся константой в течение некоего длительного промежутка времени, позволяющая на основе противопоставления установить соответствие некоторых текстов определенным смыслам (и наоборот) с целью передачи и приема информации. При этом необходимо отметить, что под кодом, участвующем в межъязыковой коммуникации, мы понимаем не только язык как таковой (и, соответственно, определенные лингвистические правила), но и экстралингвистические факторы, сложившиеся в определенном коллективе на определенном этапе развития: морально-этические установки, стереотипы, ассоциации, коннотации, представления об окружающем мире. Без знания этих дополнительных составляющих кода адекватный перевод с одного языка на другой **невозможен**.

В определении кода использовано понятие *смысла* (которое повсеместно противопоставляется понятию *значения*). В нашей работе под значением мы понимаем семантический аспект знака, а смыслом данного знака считается прагматический аспект данного знака. Другими словами, значением того или иного знака мы будем считать систему его сем (основные из которых фиксируются в словаре), а смыслом будет авторская интенция вызвать тот или иной эффект у читателя/зрителя. Смысл раскрывается в конкретной речевой

реализации некоего инвариантного значения, актуализируемого только в определенном контексте.

В этой же главе мы представили описание проблематики теории перевода, исходя из предпосылок семиотической теории, рассмотрели различные подходы к построению моделей перевода. Для целей нашей работы наиболее интересными и релевантными кажутся две модели, а именно: КОММУНИКАТИВНАЯ (при которой перевод понимается как акт двуязычной коммуникации, учитывающий семантические, синтаксические и прагматические отношения) и ИНФОРМАЦИОННАЯ (учитывает интеллектуальные характеристики отправителя (автора) и получателя (переводчика) текста, своеобразие культур и видения мира, свойственные сопоставляемым языковым общностям и т.д. При переводе передается содержание не отдельных семантических компонентов или слов, а мысли, передается информация, содержащаяся в структуре предложения). При этом мы берем на вооружение концепцию А.Д. Швейцера, комбинирующую обе данные модели и определяющую перевод, как «однонаправленный и двухфазный процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному («переводческому») анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде; процесс, характеризуемый установкой на передачу коммуникативного эффекта первичного текста, частично модифицируемый различиями между двумя языками, двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями». Для практического же использования семиотических методов в сравнительном переводоведении мы пользуемся расширенной моделью, предложенной Р.К. Миньяром-Белоручевым: «Основополагающими устойчивыми компонентами любой коммуникации являются ситуация, источник, речевое произведение и получатель. Код и различные виды информации служат в коммуникации преобразователями, целенаправленное использование которых приводит к получению продукта коммуникации в виде смысла, дополнительного эстетического эффекта и шума. Соответствующий набор преобразователей в коммуникации составляет сообщение, которое следует отождествлять не с речевым произведением, а с информацией, предназначенной для передачи. Появление в коммуникации сложного вида речевой деятельности (перевода) объясняется нарушением связи «источник - адресат». Традиционные преобразователи уже не могут обеспечивать связь между источником и адресатом, и в коммуникацию вводится новый преобразователь - переводчик (человек или машина). Появление перевода создает качественно новый вид коммуникации - целью которой, как и любого другого вида коммуникации, является передача сообщения. Передача сообщения (т. е. информации,

предназначенной источником для передачи) и есть обязательный признак перевода, отличающий его от разного рода адаптаций. Таким образом, именно сообщение является инвариантом в переводе» [Миньяр-Белоручев, 1980: 40].

В первой теоретической главе диссертации затрагивается также важный вопрос о минимальной единице перевода. В свете семиотической теории, мы считаем минимальной единицей перевода знак, который может быть репрезентирован на любом языковом уровне. В связи с этим наша задача в практической части – показать функционирование семиологически релевантных знаков на всех уровнях.

Одним из ключевых пунктов первой главы стала гипотеза о метафорической природе перевода. На наш взгляд, перевод в целом может быть уподоблен такому знаку как метафора, поскольку метафора лежит на пересечении двух концептуальных сфер, нормально не сочетаемых. Этот неизбежный конфликт и роднит метафору и перевод. Ведь последний, в свою очередь, лежит на пересечении двух культурных сфер (в терминологии Гудмена - двух различных миров [Гудмен, 2001]), также не сочетаемых в нормальных условиях. Переводчик создает такой элемент, такой текст, который принадлежал бы одновременно двум культурам, точно так же как любой человек, воспринимая метафору, для ее интерпретации (сама внутренняя форма этого слова указывает на связь с переводом) ищет тот объединяющий элемент, устраняющий конфликт разноклассовых понятий. Поэтому любой перевод тоже является метафорой в широком смысле этого слова. Кроме того, данную концепцию подтверждает тот факт, что члены метафоры могут считаться симметричными относительно одного или нескольких признаков. В этом отношении метафора тесно сближается с переводом, т.к. «симметрия как учение об относительном равенстве предметов связана с переводом через понятие эквивалентности» [Белозерова, 2000: 30]. Можно возразить, что напротив, члены метафоры асимметричны, поскольку не могут быть инвертированы [Арутюнова, 1999], однако это положение справедливо лишь для случаев зеркальной симметрии. Однако в этом случае и перевод, как и метафора, также не будет симметричным. Кроме того, и метафора, и перевод являются квази-тождествами: метафора всегда является в форме констатации, утверждения; перевод, в свою очередь, также заявляет о себе как о тождественном оригинальному тексту. Таким образом, общность формы, свойств и функций указывают на то, что перевод теснейшим образом связан с метафорой и в основе своей имеет *архаичное стремление человека создать в одном пространстве (в одной сфере) аналог объекта, принадлежащего другому пространству (другой сфере)*.

Если же рассматривать виды знаков по Ч.С. Пирсу - знаки-индексы, знаки-символы и иконические знаки - то перевод в большей мере относится к

последней категории, т.к. текст перевода в какой-то степени “похож” на оригинал, напрямую с ним соотносится, проявляет наиболее сильные интертекстуальные связи, согласно итальянским семиологам Джанпаоло Прони и Убальдо Стеккони. Именно по этому критерию иконичности (близкому к понятию “адекватность” в классической теории перевода) и сравнивается текст оригинала и перевод.

Вторая глава диссертационного исследования «Перевод разноуровневых знаков с учетом различий в структурах сопоставляемых языков» посвящена изучению некоторых различий в структурах английского, немецкого и русского языков, создающих трудности для перевода. Различия рассматривались на уровне ритма, на лексическом и грамматическом уровнях, а также на уровне текста и интертекста.

Прежде всего, нами рассмотрен такой знак, как смена ритма для характеристики героя произведения. Особенную актуальность данный знак получает в противопоставлении ритмической структуре прочих героев пьесы. Такая оппозиция незаслуженно остается без внимания как в русских, так и в немецких переводах.

На уровне лексики рассмотрены лексико-семантические оппозиции, в которых контекст не только не сужает количество актуализируемых значений до одного, но напротив, намеренно увеличивает число передаваемых смыслов, серьезно усложняя тем самым задачу переводчика.

Особое внимание было уделено различного рода аномалиям, или отклонениям от существующих норм, поскольку такое отклонение представляет собой семиологически нагруженный знак, который необходимо адекватно выразить в переводе.

Так, например, в произведениях Шекспира обнаружен ряд существительных, обозначающих не лиц и согласуемых то с местоимением женского рода, то с местоимением мужского рода (при том, что категория грамматического рода к была утрачена уже к среднеанглийскому периоду).

Логично было бы предположить, что мы имеем дело с реликтовым родом у неодушевленных существительных (сохранившимся из древнеанглийского периода), в некоторых случаях обнаруживающимся и в современном английском языке, или, в случае заимствования слова, род может наследоваться из “языка-донора”. Однако процент совпадений этимологического рода существительного и рода его современного варианта, используемого Шекспиром не так высок: чуть более 60%. Дело обстоит совершенно по-другому, если принять во внимание огромный интерес эпохи Возрождения к античной культуре, древнегреческой мифологии и языку. Сопоставив род

существительных у Шекспира с их эквивалентами в греческом языке, можно наблюдать полное совпадение:

<i>Шекспир</i>		<i>Этимология</i>		<i>Совпадение</i>	<i>Греческий</i>	<i>Совпадение</i>
Time	m	OE tima	m	+	ο χρονος	+
Death	m	OE death	m	+	ο θανατος	+
Love	m	OE lufu	f	-	ο ερωτας	+
War	m	OE wig	n	-	ο πολεμος	+
Peace	f	OF pais	f	+	η ειρηνη	+
Justice	f	OF justice	f	+	η δικαιοσυνη	+
Revenge	f	F revanche	f	+	η εκδικηση	+
Nature	f	OF nature	f	+	η φυση	+
Earth	f	OE eorthe	f	+	η γη	+
World	f	OE weorold	f	+	η οικουμενη	+
Sea	f	OE sae	m	-	η θαλασσα	+
Sun	m	OE sunne	f	-	ο ηλιος	+
Moon	f	OE mona	m	-	η σεληνη	+
Night	f	OE niht	f	+	η νυχτα	+

При этом надо отметить, что практически все указанные существительные имеют соответствующие им божества в греческой мифологии: бог войны - Арес, бог солнца - Гелиос, богиня справедливости - Астрея, богиня мира - Эйрена (Ирена), богиня мести - Немесида и т.д. Л.В. Зубова замечает, что “приписывание рода предметам, стихиям, свойствам, действиям - всем реалиям, способным к обозначению существительными, - даже и вне художественного текста представляет собой готовую метафору” [Зубова, 1999: 130]. Данное положение особенно отчетливо проявляется в нашем случае - метафорическое олицетворение неодушевленных существительных налицо.

У зрителя Шекспировских пьес в 16-17 вв., заметившего подобного рода олицетворение, по-видимому, возникали ассоциации с тем или иным божеством, а неодушевленному существительному передавались различные коннотации, входящие в семантическую структуру божества. Однако в переводах эти дополнительные коннотации отражены далеко не всегда. Все переводы отрывков, содержащих неодушевленные существительные, употребленные в мужском или женском роде, нами были разбиты на три группы. К первой группе относятся переводы, где коренным образом меняется система образов и определенное понятие в ИЯ ни коим образом не представлено в ПЯ, а следовательно, не может быть и речи о сравнении рода существительного в двух языках. Ко второй группе переводов (наиболее многочисленной) относятся переводы дословные. Эту вторую группу мы сочли

нужным разделить на две подгруппы. К подгруппе “а” относятся переводы, в которых род существительного совпадает с родом существительного в оригинале. К подгруппе “б” в свою очередь относятся переводы, в которых род существительного не совпадает с родом существительного в оригинале. Третьей группа переводов представляет наибольший интерес, т.к. здесь переводчики попытались различными способами передать те дополнительные значения, которые в оригинале выражены при помощи аномального употребления рода. К этой группе можно отнести, например, немецкий перевод «**Drum nennt man ja den Gott der Liebe blind**». Автор перевода (Аугуст Вильгельм Шлегель) передает английское “Love” как “Gott der Liebe”, т.е. “Бог любви” = “амур”. Сюда же мы отнесем и переводы Анны Радловой и Михаила Донского отрывка из I акта I сцены пьесы Шекспира “Ричард III”:

<p>Grim-visaged war hath smooth'd his wrinkled front ... he capers nimbly in a lady's chamber</p>	<p>И грознолицый бой чело разгладил ... А ловко прыгает в гостях у дамы</p>	<p>Свиреполицый бог войны разгладил Морщинистый свой лоб ... Нет, развлекая дам, он бойко пляшет</p>
--	--	---

Из приведенных примеров видно, что образ “ловеласа” сохранен в обоих переводах: у А. Радловой имеем существительное “бой” (то же, кстати, имеем в старом переводе Данилевского, вышедшем еще в 1901 году), а у М. Донского - сочетание “бог войны” - и то, и другое - мужского рода. Перевод же А. Дружинина может быть отнесен только к группе “2б”:

Разгладила морщинистый свой лоб

Война свиреполицая.

При этом, не смени переводчик в следующих строках “спальню дамы” (“Lady’s chamber”) на “залы” (“А ловко пляшет в залах, между дам”), данный образ вызвал бы странные ассоциации.

Далее мы рассматриваем такую аномалию, как смена местоимения второго лица при обращении к одному и тому же персонажу. Как известно, в английском языке в настоящее время для обозначения второго лица, как во множественном, так и в единственном числе, используется исключительно местоимение «you». Известно также, что такое положение вещей существовало далеко не всегда: на протяжении нескольких столетий для обращения к одному собеседнику параллельно употреблялись два местоимения: «thou» и «you». Однако нельзя сказать, что они взаимозаменяемы: местоимение «you» является более нейтрально-вежливым, в то время как «thou» представляет собой стилистически маркированный знак. Маркированность эта имеет двойной

характер. С одной стороны, данное местоимение употребляется по отношению к очень близкому другу, любимому человеку, наконец, Богу; с другой стороны, оно может иметь пейоративный, уничижительный смысл.

Рассмотрим вторую сцену первого акта трагедии «Король Ричард III». В данном отрывке Леди Анна пытается похоронить своего мужа, погибшего, как и отец Анны, по вине Глостера. Глостер не дает Анне осуществить задуманное. Между ними вспыхивает перебранка, в ходе которой Анна яростно обвиняет Глостера во всяческих злодеяниях, не стесняясь при этом в выражениях. Не мудрено, что в своих речах Анна использует по отношению к своему недругу исключительно местоимение «*thou*», выражая тем самым презрение и ненависть: *Foul devil, for God's sake, hence, and trouble us not / For **thou** hast made the happy earth **thy** hell,/ Fill'd it with cursing cries and deep exclaims.* – (A1)

Глостер, в свою очередь, пытается оправдаться, держится учтиво-вежливо, а посему пользуется местоимением «*you*»: *Your beauty was the cause of that effect;/ Your beauty: which did haunt me in my sleep/ To undertake the death of all the world, / So I might live one hour in your sweet bosom.* – (G1)

Однако далее происходит нечто чрезвычайно любопытное: примерно к середине сцены Глостер начинает убеждать Анну в своей любви к ней, пользуясь при этом различными риторическими приемами. При этом он начинает активно пользоваться уже местоимением “*thou*”, включая, таким образом, Анну в более тесный, интимный круг своего общения: *Look, how this ring encompasseth finger./ Even so **thy** breast encloseth my poor heart;/ Wear both of them, for both of them are **thine**.* - (G2)

И хотя поначалу Леди Анна яростно сопротивляется, в конце концов, она сдается, меняет гнев на милость, что сразу же отражается и на уровне словоупотребления – она полностью переходит на использование местоимения «*you*»: *'Tis more than you deserve; / But since you teach me how to flatter you,/ Imagine I have said farewell already.* – (A2)

Динамику описанного изменения можно схематично изобразить таким образом, чтобы каждое употребление местоимения «*thou*» или его производных отображалось в виде знака «плюс», а каждое употребление местоимения «*you*» было выражено нулем. Получается следующая картина:

LADY ANNE +++++000000
GLOUCESTER 0+00000000++0++++00

Таким образом, становится явным не случайное использование автором различных местоимений второго лица в речах персонажей: у Глостера – это специальный прием из разряда НЛП, позволяющий ему добиться определенной

цели, а в репликах Анны – это индикатор ее изменившегося отношения к главному герою трагедии.

Далее взглянем на русский перевод отрывка (выполненный Мих. Донским). Видимо ввиду уже сложившейся традиции, переводчик избегает местоимения «вы» по отношению к одному лицу. Как видно в русском переводе примера G1, переводчик и «you» и «thou» передает как «ты»: «Во имя господя, нечистый, сгинь! / Наш мир счастливый превратил ты в ад, / Где лишь проклятья слышатся да стоны». В этом случае утрачивается риторический прием и приходится прибегать к другим средствам, выражающим изменение отношения говорящего, либо смиряться с утратой некоторой части смысла. По иному обстоит дело в немецком переводе трагедии, выполненном Августом Вильгельмом Шлегелем. Здесь бинарная оппозиция местоимений методично и последовательно сохранена: английское “thou” передается немецким местоимением “du”, а английское “you” переводится как «Ihr»: «Um Gottes Willen, schoeder Teufel, fort, / Und stoer uns ferner nicht! **Du** machtest ja / Zu **deiner** Hoelle die beglueckte Erde, / Erfuellt mit Fluchgeschrei und tiefem Weh; ‘s ist mehr als Ihr verdient, / Doch weil Ihr, Euch zu schmeicheln, mich gelehrt, / So denkt, ich sagte schon Euch Lebewohl». Таким образом, Шекспир намеренно эксплуатирует изменение употребления в речи одного и того же персонажа личных местоимений при обращении к одному лицу для выражения изменения отношения к собеседнику, что, несомненно, выполняет важную семиологическую функцию и заслуживает адекватной передачи в переводе.

Также нами была обнаружена и описана особая риторическая конструкция «**метафора+метонимия**», имеющая богатейший манипулятивный потенциал и являющаяся одним из часто встречающихся сложных знаков в произведениях Шекспира. Обратившись к теоретическим изысканиям таких ученых, как А.Р. Лурия, М.В. Никитин, Е.В. Падучева, Д.Н. Узнадзе, мы показали, что манипулятивная функция такой конструкции обусловлена тем, что метафора создает определенную установку в реципиенте информации, а последующая метонимия создает иллюзию у слушателя, что навязываемая идея зародилась именно у него. Разумеется, нет нужды доказывать обязательную передачу такой конструкции в переводе.

В рамках данной главы нами подробно рассматривался такой текстовый знак, как структура героя литературного произведения. По нашему мнению, основным требованием при переводе будет не абсолютная передача такой структуры, а сохранение системы функций, выполняемых тем или иным героем, в оппозиции к системам функций других персонажей.

Наконец, в данной главе диссертации впервые отмечена корпусная интертекстуальность некоторых собственных имен персонажей пьес Шекспира, и доказана важность сохранения их идентичности в различных переводах

различных пьес, даже в случае, если в жертву приносится логичность, для того, чтобы персонаж мог обрести связи со своими параллельными проявлениями в других текстах того же автора.

В третьей, заключительной главе реферируемой диссертации «**Переводческие трудности, вызванные концептуальными различиями**» мы рассматривали возможные переводческие трудности, вызванные, на сей раз, не различием в языковых структурах, а несоответствиями концептуального плана. Передача таких концептуальных расхождений особенно сложна при переводе, поскольку прямые, буквальные соответствия денотатов имеют место, а вот прагматический аспект зачастую так и остается невыраженным. В диссертации мы рассмотрели три аспекта данной проблемы: этнические стереотипы, зооморфные стереотипы и национально специфичные концептуальные метафоры, не являющиеся общими для сопоставляемых языков.

Остановимся на каждом аспекте более подробно.

Этнические стереотипы. Пьесы Шекспира имеют местом своего действия различные страны и изобилуют персонажами различных национальностей. Это и римляне хроник и трагедий, и итальянцы, испанцы, датчане, французы, мавры, даже русские нашли свое место на страницах произведений Шекспира (в комедии «Бесплодные усилия любви»). Естественно, описывая таких персонажей, Шекспир не мог не выразить сложившихся на тот момент оценок и суждений своего народа по отношению к этносам, представляемым данными персонажами. И если раньше «объектом изучения» для англичан служили народы-соседи (французы, датчане, голландцы, немцы), то к 15 веку география их интересов заметно расширилась. Как известно, к этому времени Англия уже стала сильной морской державой, географические открытия следовали одно за другим, в Англии стали появляться темно- и чернокожие невольники. Так, колониальный «расизм» Шекспира довольно глубоко рассматривается Лемюзелем Джонсоном в монографии «Шекспир в Африке» [Johnson, 1998].

Необходимо отметить, что устойчивые этнические стереотипы обязательно содержат *оценочные* суждения, что существенно затрудняет перевод таких стереотипов на другие языки [Налчаджян, 2004: 197].

Вот лишь несколько примеров этнических стереотипов, преобладающих в сознании англичан 16-17 вв., обнаруженных в текстах Шекспира:

1. Цыгане – ненависть и презрение;
2. Индия – неизменный интерес, любопытство;
3. Немцы, голландцы – грубость, необразованность, жестокость;
4. Сами англичане – пьянство;

Добавим к этому списку примеры из исследуемых нами произведений Шекспира – «Сон в летнюю ночь», «Король Ричард III» и «Тит Андроник»:

- 1) Lysander: Thy love! out, tawny Tartar, out! (Mid, III, II)
- 2) Lysander: Away, you Ethiophe! (Mid, III, II)
- 3) Gloucester: What, think You we are Turks or infidels? (Rich, III, V),
(контекст – предательство)
- 4) Gloucester: Duck with French nods and apish courtesy (Rich, I, III)
- 5) Bassianus: Accompanied but with a barbarous Moor (Titus, II, III)
- Titus Andronicus: But that between us we can kill a fly
That comes in likeness of a coal-black Moor (Titus, III, II)
- Lucius: Good uncle, take you in this barbarous Moor,
This ravenous tiger, this accursed devil (Titus, V, III)
- Marcus Andronicus: The issue of an irreligious Moor (Titus, V, III)
- Marcus Andronicus: And hither hale that misbelieving Moor (Titus, V, III)
- Lucius: See justice done on Aaron, that damn'd Moor (Titus, V, III)

Налицо примеры использования этностереотипов с однозначной отрицательной коннотацией. Многовековое отрицательное (а иногда просто ироничное) отношение англичан к французам (пример № 4) легко объяснимо близким соседством, конкуренцией, различными войнами, имевшими место между двумя нациями.

Остальные примеры представляют собой бóльшую сложность. На наш взгляд, данные этнонимы потеряли в английском языке и культуре в целом прямую соотнесенность с той или иной нацией. Так, согласно толковым словарям английского языка «moor» и «ethiophe» не только обозначают представителей Мавритании (Западная Африка) и Эфиопии (Восточная Африка) соответственно, но и могут быть использованы для обозначения любого чернокожего вообще, а также употребляются в качестве ругательства безотносительно к цвету кожи («дьявол», «черт»). Кроме того, лексемы «moor» («blackamoor») и «Turk» (пример № 3) также могли обозначать любого мусульманина, безотносительно к его расово-национальной принадлежности.

Еще большая «несправедливость» наблюдается в отношении слова «Tartar», традиционно переводимого на русский язык как «татарин», «татарка». Во-первых, изначально этноним «Tartar» использовался в английском языке по отношению к представителям армии Чингисхана, а они, как известно, в большинстве своем являлись монголами. Нужно добавить, что и монгольского нашествия англичане так и не испытали, а посему данная лексема изначально представляла собой абсолютную мифологему. Кроме того, словари дают такие значения слова «Tartar», как «человек дикого, необузданного нрава, мегера,

фурия, сильный противник •• young Tartar — трудный, капризный ребенок, to catch a Tartar — столкнуться с более сильным противником, встретить сильный отпор». В немецком переводе данный этноним заменен на “Zigeunerin” («цыганка»)– сема неприязни сохраняется, противоречия снимаются. Таким образом, по нашему глубокому убеждению, вторая по численности национальная группа в России не заслуживает такого уничижительного перевода, и в свете популярных ныне принципов политкорректности требуются новые подходы к этой проблеме, при последующих переводах пьес Шекспира на русский и другие языки возникает необходимость пересмотра способов перевода этнонимов, употребленных Шекспиром на страницах своих произведений.

Зооморфные стереотипы. Несомненно, в сознании каждого народа, соответственно отражаемом в языке, существует ряд животных, с которыми тесно связаны определенные стереотипы. Данные стереотипы во многом формируют отношение носителя того или иного языка непосредственно к соответствующим представителям живой природы, а также служат базой для формирования зооморфных метафор. Многие зооморфные метафоры функционально и прагматически совпадают в различных языках, однако существует и обширный пласт национально-специфичных метафор, присущих той или иной конкретной культуре и языку.

В результате проведенного сравнительно-сопоставительного исследования обнаружены совпадения стереотипов в отношении следующих зоонимов: собака (1. презрение, 2. преданность); лев (смелость); осел (упрямство); паук (страх, неприязнь); лиса (1. хитрость, 2. трусливость); гусь (глупость, неосторожность); ворон (нечто зловещее); голубь (невинность, добродетель); змея (опасность).

Однако при этом были обнаружены и существенные различия в зооморфных стереотипах. Эти различия касаются следующего:

1) Helena: No, no, I am as ugly as a bear (Midsum, II, II)

Комментарий: Медведь представляется уродливым, что не типично для русского и немецкого языков.

2) Fairies sing: Thorny hedgehogs, be not seen; (Midsum, II, II)

Lady Anne: Dost grant me, hedgehog? (Rich, I, II)

Tamora: A thousand fiends, a thousand hissing snakes,
Ten thousand swelling toads, as many urchins,
Would make such fearful and confused cries (Titus, II, III)

Комментарий: - манифестируется отрицательное отношение к ежам;

- обыгрывается внутренняя форма слова «hedgehog» – дословно «[под]заборная свинья».

Кроме того, в примере <Rich I, II : Dost grant me, hedgehog!> мы имеем явную аллюзию на герб Глостера с изображением кабана (hog). Налицо уничижительная игра слов. Возможно, было бы уместно перевести данное ругательство именно как «свинья», «боров», «хряк» или другими сходными лексемами. В немецком тексте имеем дословный перевод – «Igel». Данный зооним не несет негативной коннотации и никаким образом не привязан к образу Глостера. Коммуникативная функция перевода в данном случае не может считаться удачно выполненной. В русском же языке слово «еж» даже обладает определенным положительным семантическим ореолом, поэтому ни в одном из русских переводов зооним «еж» не употреблен (чаще переводчики заменяют его на другой зооним, имеющий отрицательные коннотации в русской культуре, например, аспид или гад).

3) Fairies sing: Newts and blind-worms, do no wrong (Midsum, II, II)

Комментарий: в ряд «противных глазу» животных включается тритон, коннотация для русскоговорящего читателя/зрителя абсолютно нейтральна). И в немецких, и в русских переводах лексема «тритон» опускается.

4) Fairies sing: Worm nor snail, do no offence (Mid, II,II)

Комментарий: в тот же ряд «отвратительных» животных, как ни странно для русскоговорящего читателя, включается улитка. Еще более странно, что в отличие от немецкого перевода (где это слово просто опускается) во всех русских текстах мы встречаем дословный перевод «улитка», в то время, как существует синоним, более адекватно выражающий отрицательное отношение: «слизняк».

5) Lady Anne: Never hung poison on a fouler toad (Rich, I, II)

Комментарий: жаба многократно представляется ядовитым животным, что представляется необычным для современного читателя.

6) King Richard III: For want of means, poor rats, had hang'd themselves (Rich, V, III)

Комментарий: сочувствие, передаваемое в русском языке словом «бедняги», выражено сочетанием «бедные крысы», невозможным в русском узусе (переводчики обычно сохраняют лексему «крысы», игнорируя при этом эпитет «бедные»).

Из вышеприведенных фактов можно сделать следующие выводы:

Многие зооморфные стереотипы национально-специфичны и представляют собой значительную трудность при переводе. Необходимо избегать дословного перевода таких единиц (а дословный перевод практически всегда возможен в случае с зоонимами). Лишь глубокое знание культурных стереотипов в языке, на который осуществляется перевод, поможет переводчику найти эквивалент, с большей или меньшей точностью передающий прагматические коннотации, заложенные в исходном тексте.

Концептуальные метафоры. По мнению А.А. Касловой, следует особо подчеркнуть роль концептуальной метафоры как средства отражения ментальности нации, т.к. именно метафора (наряду с символами, фразеологизмами и т.д.) представляет собой «законсервированный» источник информации, неотделимый обычаев и традиций от мифов, легенд, уходящих своими корнями в прошлое. В данном разделе диссертации нами были обнаружены некоторые концептуальные метафоры, универсальные для всех трех сопоставляемых языков (английского, немецкого, русского). Однако, в свете особого интереса к переводческим трудностям, более подробно мы остановимся на обнаруженных различиях.

1. Сфера **ВРЕМЕНИ**:

В русском и английском языках мы либо *тратим время* (spend the time), т.е. уподобляем его деньгам, представляем себя его полноправными хозяевами (правда, при этом англичане «тратят» его «экономно», а русские – «расточительно»), либо мы проводим время (pass the time), т.е. опять-таки являемся его лидером. В немецком языке картина совсем иная: первое значение слова «vertreiben» - прогонять, изгонять, как если бы немцы стремились как можно скорее избавиться от свободного времени, занять себя каким-либо делом. В то же время склонность русских «поговорить о том - о сем», потратить больше времени именно на разговоры отражается и в языке:

a word with you (1 слово)

ein Wort mit euch (1 слово)

на **два** слова

2. Сфера **СКОРОСТИ**:

Для англичан также особо значимым является связанное со временем понятие **СКОРОСТИ**, во многих коллокациях скорость ассоциируется с успехом: «God speed fair Helena!» (возможно, потому что высокая скорость позволяет сэкономить, накопить больше ВРЕМЕНИ). Значимость данного

понятия именно для англичан фиксируется и в некоторых устойчивых выражениях, например:

I am slow of study (дословно, медлителен в учении).

В немецком и русском языках используются совершенно другие средства для передачи той же идеи:

Ich habe schwachen Kopf (дословно, у меня слабая голова).

У меня память очень туга.

3. Сфера **ФИНАНСОВ**:

Любовь англичан к **ЭКОНОМИИ** выражается более частотной отсылкой к сфере **ФИНАНСОВ**:

But now thy beauty is proposed my fee

Thou shalt buy this dear

Which [peace] I will purchase with my duteous service;

Ср. русск. «я милость заслужу»

Наблюдается повсеместное частое употребление таких слов, как cost, recompense, coin, debt, bankrupt, owe и др., не характерное для немецкого и русского языков.

4. Сфера **ВЕРТИКАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ**:

Далее, нами была обнаружена бóльшая склонность английского языка, по сравнению с немецким и русским, к **вертикальным, иерархическим, подчинительным отношениям**:

all my right of her

I do estate unto Demetrius – право накладывается сверху вниз, в то время, как в русском и немецком языках право дается КОМУ-ЛИБО, т.е. отношения протекают в горизонтальном плане.

В английском языке вообще очень часто употребляется местоимение «on» (+ «упон»), подразумевающее снисхождение, в то время как в немецком языке в подобных случаях чаще используется предлог “an”, который, в отличие от редко используемого для передачи непространственных отношений предлога “auf”, указывает на горизонтальную соположенность предметов. Кроме того, английский язык изобилует и конструкциями с предлогом «under» (также выражается вертикальная подчиненность): under your patience, тогда как немецкий язык пользуется при этом нейтральным «mit», «=с», подразумевающим отношения равноправия. В этом отношении английский язык имеет больше возможностей выразить вертикальные отношения (по сравнению, например, с русским языком), поскольку имеет в своей структуре массу глаголов с послелогом up и down. Действительно, такие глаголы, как

yield up, give up и т.д. - все имеют направленность действия снизу вверх, от «раба» к «повелителю».

5. Сфера **МОРЕПЛАВАНИЯ**:

Английский текст изобилует метафорическими отсылками к сфере **МОРЕПЛАВАНИЯ**. Это легко объяснимо – Англия расположена на острове, окруженном со всех сторон водой, с древнейших времен жизнь англичан была связана с морем, а к 16-17 векам (время жизни и творчества Шекспира) эта тема была особенно интересна и актуальна, т.к. именно в то время совершались великие географические открытия, а английский флот вышел на первые позиции, обойдя по числу и оснащенности судов такие морские державы, как Испания и Португалия. Приведем несколько примеров:

This siren that will charm Rome's Saturnine,
And see his **shipwreck** and his commonweal's. (гибель = кораблекрушение)

Then is all safe, **the anchor in the port**. (брошен якорь = спокойствие)

Decking with liquid pearl the bladed grass (первоначальное значение -настилать палубу, а потом уже украшать)

That ever lived in the **tide of times** (время=море, с приливами и отливами)

Take thou what **course** thou wilt! (человек=корабль, капитан, пролагающий курс)

you wrangling **pirates**, that fall out
In sharing that which you have pill'd from me
(слово «пираты» употреблено не в морском контексте)

O setting sun,
As in thy red rays thou dost **sink** to night (солнце=тонущий корабль).

Необходимо отметить, что данные метафорические отсылки чрезвычайно редко передаются в тексте перевода, поскольку прямой, дословный их перевод будет выглядеть неестественно неуклюже, а подобрать концептуальный эквивалент в другом языке, не выйдя при этом за рамки рассматриваемой темы, не всегда представляется возможным.

Для иллюстрации приведем четыре варианта перевода последнего примера:

О солнце!

Как ты во мглу спешишь в лучах багровых [Фет]

Как ты, о солнце,
кроваво заходящее пред ночью [Зенкевич]

Так заходи же, солнце,
В лучах своих кровавых ввечеру [Величанский]

О солнце заходящее!
Подобно как ты вечером сим сокрываешься в багряных лучах своих..
[Карамзин].

Как видно, ни в одном из русских переводов не употреблено слово «тонуть». Лишь в немецком переводе образ сохранен:

O Abendsonne!
Wie du in deinen roten Stralen sinkst [Schlegel].

В заключение, отметим, что в реферируемой диссертации мы рассмотрели разноуровневые смысловые и формальные текстовые несоответствия русских и немецких переводов оригинальным произведениям Шекспира, вызванные, с одной стороны, различиями в структурах сопоставляемых языков (семный состав лексем, система родов, система личных местоимений и др.), а с другой стороны – различиями концептуальных сфер сопоставляемых языков (этнические и зооморфные стереотипы, национально-специфичные метафоры), что позволило нам выделить три основные требования к адекватности перевода:

1. Необходимо переводить языковые и речевые аномалии, имеющиеся в исходном тексте.
2. Необходимо сохранять в переводе все оппозиции исходного текста, проявляющиеся на различных уровнях.
3. Не допускается дословный перевод знаков, содержащих в себе лингвокультурные ассоциативные компоненты.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

1. Бухтояров С.И. Бинарные оппозиции в структуре литературных героев в трагедии У. Шекспира “Юлий Цезарь” // Электронный журнал «Language and Literature», Вып. № 6. - <http://www.utmn.ru/frgf/No6/journal.htm>. – 9 с.

2. Бухтояров С.И., Бухтоярова А.А. О проблеме перевода некоторых контрастов в трагедии «Юлий Цезарь» У. Шекспира // Университетское переводоведение. Вып. 2. Материалы II Международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения» 23-25 октября 2000 г. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. - С. 48-52.
3. Бухтояров С.И. Интерференция переводов имен собственных // Актуальные проблемы лингвистики: Уральские лингвистические чтения-2001: Материалы ежегодной региональной научной конференции, Екатеринбург, 1-2 февраля 2001 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2001. - № 14. – С. 18-19.
4. Бухтояров С.И. Перевод «аномалий»: категория рода неодушевленных существительных в некоторых произведениях У. Шекспира // Университетское переводоведение. Вып. 3. Материалы III Международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения» 26-28 октября 2001 г. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. - С. 105-112.
5. Бухтояров С.И. Метафора и метонимия как еще одно основание для оппозиции «Цезарь-Брут» в трагедии У. Шекспира «Юлий Цезарь» // Электронный журнал «Language and Literature», Вып. № 10. - <http://www.utmn.ru/frgf/No10/journal.htm>. – 8 с.
6. Бухтояров С.И. Метафоричность перевода // Электронный журнал «Language and Literature», Вып. № 16. - <http://www.utmn.ru/frgf/No16/journal.htm>. – 6 с.
7. Бухтояров С.И. Конструкция «метафора → метонимия» как способ манипуляции // Вестник Тюменского государственного университета. - № 4/2001. – Тюмень, 2001. – С. 195-200.
8. Бухтояров С.И. Метафора и перевод // Актуальные проблемы лингвистики: Уральские лингвистические чтения-2002: Материалы ежегодной региональной научной конференции, Екатеринбург, февраль 2001 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2002. - № 15. – С. 25-26.
9. Бухтояров С.И. Некоторые аспекты переводов пьес Шекспира с семиотической точки зрения // Электронный журнал «Language and Literature», Вып. № 21. - <http://www.utmn.ru/frgf/No21/journal.htm>. - 7 с.
10. Бухтояров С.И. «Расово-национальный» вопрос в произведениях Шекспира // Материалы V открытой окружной конференции молодых ученых «Наука и инновации XXI века». – Сургут: СурГУ, 2004 [в печати]. – 5 с.